

ЮЖИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов
- Книга 7. Ее Высочество

Гай Юлий Орловский

Юджин
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 7

Ее Высочество

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок
Андрея Лунаева

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 7. Ее Высочество / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-83714-4

Противник всегда благороден и великодушен, а враг подл и коварен. Противник честен, правила войны для него святы, а вот враги ими пренебрегают, сражаться с ним трудно и опасно.

А еще враг норовит ударить в самое больное место, что совсем недопустимо для благородных глердов. К счастью, у глерда Юджина в мире меча и магии есть не только пистолет и винтовка с оптическим прицелом, но и понимание, что в войне вообще нет благородства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83714-4

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

Самый опасный враг — отсутствие врагов.

Лойола.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Роннер Дорриган, бригадир столичных плотников, показал себя настолько хорошим работником и умелым распорядителем, что я на третий день после их прибытия в бухту назначил его управляющим верфью.

Хорошая карьера, но, с другой стороны, во всей Дронтарии нет человека, умеющего строить корабли. После того великого поражения и уничтожения флота и всех портов одни переквалифицировались, другие вымерли, третьи ушли на заработки в Пиксию и Гарн...

После нашего победного возвращения я дал всем безразмерный отпуск на весь день, всем вернувшимся есть что рассказать, показать и чем похвалиться, а сам с Фицроем прошелся вдоль стапелей со скелетами заложённых кораблей.

Дорриган торопливо сбежал по лестнице с недостроенного борта каравеллы, выглядел счастливым, а когда заговорил, то едва не повизгивал от распирающего счастья:

— Глерд Юджин, за время вашего отсутствия мы подготовили еще корабль! Хоть сегодня на воду.

— Отлично, — одобрил я. — Сегодня отдых, пусть вернувшиеся из проверочного похода расскажут о нашей лихости, это вселит оптимизм и повысит работоспособность на единицу труда, а завтра с утра снова трезвые и вообще!..

Он сказал с готовностью:

— Да, глерд Юджин. Все будет сделано, глерд Юджин!

Фицрой повернулся идти дальше, но я сказал Дорригану достаточно жестко:

— Да, еще очень важное! На кораблях никаких украшений!.. При встрече с ними на море всяк пусть видит: люди работают! Купцы купцуют, солдаты солдатствуют, а не... У нас люди серьезные, никаких плавающих бардаков на море!.. Вот тогда только по-настоящему будут бояться.

— И уважать, — вставил Фицрой.

— И уважать, — согласился я. — Вы правы, глерд. Пусть издали видят, серьезные люди идут по морю. Шествуют. Изволят! А когда корабль в украшениях и даже в затейливой резьбе по бортам — это какие-то богатенькие бездельники плывут! Нет и нет. Не важно, что мы зайчики, смотреться должны злыми и мрачными. Чтоб уважали и не заступали дорогу. И корабли должны выглядеть злыми и мрачными. Хотя оставаться зайчиками.

Он вздохнул:

— Да, глерд. Будет исполнено, глерд. Хоть ничего и не понял насчет злых зайчиков, но ваши указания лучше исполнять быстро и точно. И без всякого там. Да и тут.

— Вы хороший управляющий верфи, — сказал я с одобрением. — И даже замечательно, что раньше корабли не строили. Прежние корабелы в шорах и предрасудках, а мне нужны незашоренные!.. Без груза устаревших приемов. Действуйте согласно! И все получится. Я отлучусь ненадолго, а когда вернусь, мы тут такое замутим...

Фицрой пошел рядом нарядный по-особенному: в море в шляпе с пером не походишь, зато при разделе добычи перемерил массу одежды с захваченных и ограбленных кораблей, выбрал себе некий черный наряд,

сочетающий изящество и строгость дизайна, где толстые золотые нити идут лишь по воротнику, обшлагам и в виде аппликаций на левой и правой стороне груди, из-за чего он выглядит неким таинственным принцем из загадочной страны.

— Ну как я смотрюсь? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, спросил: — А чего приказания отдаешь так, будто собираешься надолго смыться?

— Не надолго, — сказал я, — но пора бы помочь делу сопротивления в справедливой борьбе с агрессором! Не санкции же на него накладывать... В конце концов, если Антриас захватит Дронтарию, наш флот тоже гавкнется.

— Гавкнется?

— Накроется, — объяснил я, — медным тазом.

Он покрутил головой.

— Ну и грубые в твоём королевстве люди! Какие слова произносят. Думаю, обойдутся без нас. Король Дронтарии уже предупрежден, мы сделали все, что требовалось...

— Это знаешь ты, — напомнил я, — а не королева Нижних Долин. — Все-таки, как бы ни была уверена во мне, надо сообщить о готовности короля Астрингера работать в коалиции и с верой в совместную борьбу с агрессором на собственной территории, раз уж доктрина о внешней политике не позволяет наносить превентивные удары за пределами.

— За пределами, — спросил он, — чего?

— За пределами, — повторил я многозначительным тоном. — Это важно — за пределами. И дает неоспоримые преимущества!.. Как только кто-то выходит за пределы существующих рамок, будь это знания, обычаи, предрассудки, это я про ученых, или пределы морали, совести, чести, это все остальные, то тут же автоматически получает преимущество над незнающими, трусли-

выми, совестливыми, честными, приличными, благородными, достойными, верными и преданными...

Он насупился, пробурчал, глядя из-под лба почти с неприязнью:

— Не пойму я тебя, Юджин... Ты на чьей стороне?

— Как демократ и гуманист, — ответил я с достоинством, — я всегда на своей стороне. Хотя и этот сукин сын может предать, как не раз уже делал, но это наш сукин сын!.. Даже как бы и совсем мой. В общем, я быстренько туды-сюды. Тут еще суп не остынет.

Он хмыкнул.

— Ну да, если бы так... Вот так прошлое хватает за ноги. Пока окончательно разделаешься, столько времени профыркивается...

— Останешься вместо меня? — спросил я с надеждой. — Вдруг королева дрогнет?

— Подумает, — предположил он, — тебя по дороге в Дронтарию химеры взяли, и король Астрингер будет застигнут врасплох?

— Что-то типа того, — ответил я. — Это на кого-то другого может подумать, что запил где в дронтарских кабаках и забыл, куда и зачем едет.

— Не указывай грязным пальцем, — ответил он с достоинством, — на мои чистые пятна! Знаешь, сколько мне потребовалось усилий, чтобы создать о себе такую репутацию? Зато никто не пристаёт с обязывающими просьбами.

— А потом ты так привык играть эту роль, — сказал я, — что маска взяла и приросла.

Он хохотнул.

— Точно. А так внутри я такой же серьезный и занудный, как ты. Только очень глубоко внутри. Уже не достать. Но, ты прав, королева должна быть уверена, что у тебя все получилось, и Антриас нарвется в Дронтарии на крепкую оборону. Это и в твоих интересах.

— В наших, — поправил я. — Если Антриас прорвется до побережья, нашим амбициозным планам хана.

Он сказал с неудовольствием:

— Вот так всегда! Как только начинается что-то интересное, тут же всякое норовит испортить и помешать. Но я не останусь вместо тебя. Здесь все работает. Ты умеешь подбирать людей! Этот Роннер Дорриган пашет с утра до ночи с того дня, как ты назначил его управляющим верфью. Еще бы, такая карьера!

— Ему просто понравилось строить корабли, — сказал я. — Да и нет во всей Дронтарии кораблестроителей.

— Да им всем понравилось, — сообщил он. — Глаза горят, только и разговоров о работе! Даже больше, чем о бабах.

— Ну уж больше, — сказал я с сомнением.

— Ну почти, — ответил он. — Но такого раньше не было, чтобы и после работы говорили о работе! А у нас даже с бабами в постели все о работе, все о работе... Так что можем ехать смело, ничего не случится. А когда вернемся, парочка кораблей уже будет готова к спуску на воду.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Да, пожалуй. Но все равно пора освободиться от этой роли побегальщика. Ну, побегушника. У меня свое интересное и перспективное дело!..

— Это я понял, — ответил он и плотоядно потер ладони.

— Ну вот, — сказал я, — так что надо намекнуть ее величеству, что я уже старый, надо на покой, на побегушках уже не могу, кости болят...

— Намекнешь? — переспросил он. — Обухом в лоб?

— Постараюсь помягче, — ответил я. — Все-таки женщина!

— С женщинами разговаривать труднее, — согласился он. — Я вообще стараюсь разговоров меньше, дела

больше... но с королевой так не поперет, надо с танцами. Хорошо, пойду подберу коней.

— Фицрой, — сказал я с чувством, — что бы я без тебя делал? Наверное, зажил бы, как король!.. Ладно, займись конями и прочим, а я тут заскочу кое-куда, надо попрощаться...

Он захохотал и быстро вышел, я услышал в коридоре бодрый стук его подкованных подошв и бодряю песню.

Под властью владельца замка Медвежий Коготь, кем бы он ни был, находятся два десятка деревень и сел, хорошие пахотные земли, леса, одно небольшое озеро, два болота на севере и длинная прибрежная полоса южного моря. Жаль, конечно, не пляжная, волны грозно бьются о скалы, но, с другой стороны, враг не высадится, что в это беспокойное время важнее.

Бухта на границе моих земель и герцога, и хотя он отдал в мое распоряжение ее всю в ответ на мое содействие в улаживании его спора с соседом, но все-таки надо подчеркивать, что я ценю его дар, что я охотно и делаю по-своему, зато искренне...

Герцогиня поднялась навстречу, на лице сильнейшее смущение, щеки сразу заалели, между нами был стыд, она это постоянно помнит и, похоже, частенько копается в своем неправильном поведении, толкуя его так и эдак, для женщин это как для мужчин футбол или чемпионат по боксу для тяжеловесов.

Я сказал с ходу:

— Как вы свежи и молоды, ваша светлость!.. И как меня охватывает энтузиазм!

Она сказала слабым голосом:

— Глерд Юджин...

Я откровенно любовался ее смущением. Идем к сингулярности, уже скоро начнем менять свои тела так, что не поймешь, кто был мужчиной, а кто женщиной, но я

пока что в этом теле, а для него, скроенного по древним лекалам, такое небезразлично... скажем предельно мягко, и многое воспринимается согласно инстинктам, а не по уму.

Ну не в состоянии я заботиться о мускулистой женщине, что в двойном повороте вышибает ногой челюсть противнику и вообще во всем демонстрирует надо мной превосходство! Я могу с нею дружить, общаться... но у любви все-таки на первом месте забота и оберегание, это древнейший инстинкт, без него человечество исчезло бы еще во времена неандертальцев или даже на уровне червяков.

Возможно, именно потому потянуло и продолжает тянуть с такой силой к герцогине. Она действительно женщина, то есть половинка человека, как и я половинка, а вместе составляем человека: могучего, полноценного.

По отдельности мужчина и женщина, а вместе — человек. Потому что мужчине легче добывать мамонта и открывать бозон Хикса, когда со спины прикрывает женщина, обеспечивая комфорт и придавая силы для продолжения борьбы.

Вот так вместе человек делает гораздо больше, чем мужчина и женщина по отдельности. Но в моем мире эти речи — чудовищная крамола, можно и загреметь, зато здесь могу вести себя по-дикарски естественно.

— Бог создал женщин, — сказал я, — нам в поддержку и утешение... Утешьте меня, герцогиня, мне снова грустно.

Она испуганно оглянулась.

— Зачем вы меня сразу раздеваете? Глерд, вы хотя бы поздоровались! Муж вот-вот вернется!

— Вы правы, — согласился я. — Подумаешь, ворох платьев... Не так уж и тяжело задирать...

— Глерд!

— Подержите здесь и здесь, — деловито попросил я. — Вот на этой высоте... Можно выше... Ох, как вы божественно утешаете...

— Глерд, я ничего не делаю непристойного!.. Я порядочная женщина!

— Да, — согласился я счастливо, — как хорошо такой свинье, как я, оказаться среди порядочных.

— Глерд, не делайте того, что вы делаете, умоляю. Это непристойно...

— Правда? — изумился я. — Кто бы подумал...

— Глерд, — прошептала она, закрыв глаза, — мне стыдно... как я могу...

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал я.

— Глерд!

— А вот мне можно, — сообщил я. — Я освоил пиратство, потом расскажу, что это, теперь с новым левлом можно вообще все!

— Глерд, то... что делаете... вообще бесстыдство...

— Зато какое!.. Герцогиня, вы умеете дать человеку счастье... или, как говорили в старину кратко, просто дать... даже ничего не делая... и даже не обращая внимания, что делают с вами...

— Ох, глерд, это бесстыдно и недопустимо...

— Весь грех беру на себя, — заверил я. — Как поджигатель, а вы жертва, потому вы абсолютно невинны... как это восхитительно, как... ох, бесподобно... герцогиня, вы самое лучшее на свете лакомство...

Она опустила подол, как только я перестал сжимать ее в объятиях, сказала в ужасе:

— Что я мужу скажу?

— Всю правду, — сказал я бодро, — ваш сосед, глерд Юджин, отправляется в Шмитберг. Заскочит к королю Астрингеру. Если герцогу надо что-то передать его величеству, то с удовольствием и радостью от счастья иметь такого соседа... гм, как-то двусмысленно зву-

чит... в общем, потом помчусь в королевство Нижних Долин.

— Ох, — сказала она опасливо. — Не насовсем?

— Как я могу, — заверил я и попытался поцеловать ее, но она в смущении отвернулась, и я чмокнул в розовое ухо. — Если вдруг герцогу что-то надо, пусть только кивнет! Из Шмитберга проеду в Санпринг пообщаюсь с ее величеством королевой Орландией насчет стратегии развития и культурных связей, как-то так примерно. И если герцогу что-то нужно...

Она слабо улыбнулась:

— Довольно-довольно! Герцог будет счастлив, что у нас такой любезный сосед. А вот мне очень неловко.

— Герцогиня, — сказал я уверенно, — что вы, как в лесу? Нужно жить, как и принято: по двойным стандартам!.. И жизнь будет полна удивительных открытий и временно запретных радостей. Надо ими пользоваться, пока запретные, а то потом запреты снимут, и все, конец, никакого счастья.

Глава 2

Я сам не понял, в чем дело, даже старательно поразмышлял на обратном пути в сторону бухты, почему это вдруг с такой страшной силой тянет к герцогине. Как-то странно притягательно действует эта вот застенчивость, стыдливый румянец, жаркий шепот и уверения, что такое вот делать нельзя, потому что это нехорошо и не принято.

И дело вовсе не в том, что у нее такое сладостно нежное мягкое тело, белое и жаркое, чем-то еще дивно хороша и удивительна, хотя когда отдается, так это здесь называется, то это просто чудо, я весь из себя...

Фицрой, как боевой конь, что взбодрился при звуках боевой трубы, носится по верфи, проверяя и перепроверя, указывая и подгоняя, а когда увидел меня, лихо спрыгнул с лесов почти на высоте человеческого роста, красиво выпрямился, согнув ноги в коленях, но не спину.

— Уже? — спросил он. — Не снимая сапог?

— Грубый ты, — укорил я. — Нет в тебе романтизма и высокой духовной чувственности. У нас было расставание, как у Гектора и Андромахи или Меджнуна и Лейлы... ладно, забудь. Насчет коней и прочего уже?

— Нет, — ответил он, — я тут одного приспособил. Думаю, нам пора обзаводиться слугами. Ты как?

Я пожал плечами.

— Обходился как-то. А что, нужно для важности?

— И для нее тоже, — сообщил он. — Важность — это престиж и статус в обществе. Мы же люди, а какие люди без фанаберии?

— Одного на двоих?

— Зато какого, — ответил он. — Думаю, пригодится в дороге.

Я подумал, спросил:

— Понсоменера?

— С тобой неинтересно, — сказал он с досадой, — всегда опережаешь... Нужно как-то договориться с тобой говно есть...

Я поморщился.

— А еще глерд!

— Понсоменер, — сказал он уже серьезнее, — будет счастлив посмотреть мир. Он же никогда не покидал свою деревню!.. Не считая нашей авантюры на море. А нам коней расседлать-оседлать, костер развести, то да се... Он быстрый, как перепуганная мышь.

Я подумал, пытаюсь вспомнить лицо Понсоменера, и с удивлением понял, что никак не удастся.

— Понсоменер... Знаешь, на корабле я не обращал внимания, народу много, проблем еще больше... но сейчас что-то в нем сильно тревожит.

Он усмехнулся:

— Меня тоже.

— Так чего тогда?

Он пожал плечами.

— А разве не справимся? Зато исполнительный, как не знаю кто. Не очень уключий, но... как-то делает все быстро. А в дороге присмотришься к нему лучше.

— Ну да, — согласился я, — когда втроем, все на виду. Но все-таки...

— Да ладно, — сказал он. — Он не химера, я тебе говорю!.. Я химер кишками чувю. Наверное, тоже под свет трех лун попал. И как-то выжил.

— Тоже, — повторил я, — это ты о ком? О себе?

Он поморщился.

— Ну что ты везде тайный смысл ищешь?.. О себе, о тебе или о ком-то еще — какая разница? Это так говорится. Ты же не попадал? Или попадал?

— А ты? — спросил я.

Он вздохнул.

— Ну вот, всегда переводишь, чтобы не отвечать, а тебе все раскрывали и докладывали. Это нечестно. Ты раньше в тайном сыске не работал? Или в дипломатическом?..

— Вся жизнь наша, — сообщил я философски, — и тайный сыск, и дипломатия, и хрен знает что еще.

— Зато весело, — заверил он и, повернувшись спиной, заорал: — Понсоменер!.. Понсоменер!

Я покосился по сторонам.

— Где ты его видишь?

— У него хороший слух, — заверил он. — В Шмитберг будешь заезжать? А то если по прямой, на сутки короче... А вот и Понсоменер!